

каждая ихъ ласка или слеза были для нея убийственныя, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачегъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ съ помощью бѣдной и гостеприимной солдатки онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: — Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ—это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобъ посмотреть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на вѣсѣлицѣ?.. адъ и проклетіе! кто бы ожидалъ!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашѣмъ глупомъ народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣритъ? напастъ Божія на васъ грѣшныхъ, да и только!.. Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ, и не смѣй носа высунуть.. сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня по утру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!.. чай, солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висѣвшія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, ободрить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась, какъ восковая кукла; неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: миллионъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ, и вѣрѣдко Лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма—наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька.—сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ: — ты въ пору зачавилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ плущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе, — отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ... Охъ.. много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ, но Юрій, покраснѣвъ,

схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца и, отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставитъ вѣчныя пятна... Вы меня поняли... простите меня.. моя кровь кипитъ при одной мысли... я не мѣряю слова на аршинъ приличій... вы согласились на мое предложеніе... въ противномъ случаѣ, все, все забыто.. увѣженіе имѣть границы, а любовь—никакихъ.

ГЛАВА XXII.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду—вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ мимо крестьянскихъ гумновъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видѣтъ буланую лошадь въ шлѣхъ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора, и вдругъ взоръ его упалъ на что то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ пейниковъ... Точно! это кушакъ!.. точно!.. онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! она бѣжала: это ясно—но съ кѣмъ?.. развѣ нужно спрашивать? О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превращается въ желчь. — Нечего дѣлать! — думалъ горбачъ, скрежеща зубами, — тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ рукъ моихъ вырвалъ добычу, ты постылся надъ уродливымъ нищимъ, — дерзкій безумецъ, но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!.. Онъ вскопалъ на лошади ударами принудить измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпились народъ въ праздничныхъ кафтанкахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тащили кошами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмельного напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ по чегыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни